

ISSN 0130-9757

РОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СТАНОВЛЕНИЕ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
■
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО. МЕНЕДЖМЕНТ И МАРКЕТИНГ
■
МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА
■
МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА
■
ЭКОНОМИСТ В АУДИТОРИИ

11-12
2003

М. Славкина

О НЫНЕШНЕМ ЗВУЧАНИИ РЕФОРМАЦИОННОГО ПЛАНА ТРЕХВЕКОВОЙ ДАВНОСТИ

(размышления над переизданной «Книгой о скудости и богатстве» И.Т.Посошкова)

Сегодня все больше тех, кто считает: реформы 90-х годов провалились не в последнюю очередь потому, что задумывались и проводились без учета исторического опыта нашей страны, традиционных психологических и ценностных ориентиров основной массы населения; другими словами, реформаторы игнорировали менталитет «россиян», прежде всего — русского народа. Между тем авторы и адепты реформ, как известно, продолжают утверждать: менталитет здесь априори ни при чем, ибо постсоветские преобразования базируются на столь же универсальных, как, скажем, законы механики, «законах экономики», под коими надлежит понимать исключительно то, что постулируется «неоклассикой» (классическим либерализмом) и «неоклассическим мейнстримом» (господствовавшим в последней четверти XX в. на Западе неолиберализмом)¹.

Представляется, что в решении обостренно дебатированного вопроса о факторе народного менталитета немалую пользу мог бы принести более обстоятельный, чем раньше, ретроспективный анализ взглядов и предложений крупных отечественных теоретиков реформ, в том числе И.Т.Посошкова, оставившего нам интереснейший труд — «Книгу о скудости и богатстве», весьма кстати и исключительно вовремя, с квалифицированными и заинтересованными комментариями перевыпущенную Издательским домом «Экономическая газета» в серии «Русская классическая библиотека. Экономика и духовность»².

¹ Позиция, связанная с игнорированием менталитета народа в реформационных теории и практике изначально критиковалась многими учеными; весьма остро такая критика звучала, в частности, в ходе дискуссии о содержании и введении в вузовское преподавание дисциплины «национальная экономика». См., например: Национальная экономика: вопросы теории и проблемы преподавания (по материалам научно-практической конференции в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова)// Российский экономический журнал. — 2001. — № 10. — С.58—59.

² Вот выдержка из озаглавленного «Первый русский экономист» развернутого послесловия к данной публикации, характеризующая ее научно-издательские параметры: «Настоящая публикация «Книги о скудости и богатстве» И.Т.Посошкова подготовлена на основе первого научного ее издания, осуществленного в 1937 г. Б.Б.Кафенгаузом (П о с о ш к о в И. Т. Книга о скудости и богатстве. Редакция, вступительные статьи и примечания Б.Б.Кафенгауза. Изд. 2-е. — М.: Соцэкгиз, 1937). Оно выполнено по так называемому Академичес-

Сформулированные в книге, написанной для представления Петру I (в 1721—1724 гг.), а далее надолго забытые, но возвращенные в научный оборот в середине XIX в. Н.М.Погодиным идеи Посошкова становились объектом пристального внимания и анализа всякий раз, когда страна совершала очередной тур реформ или контрреформ. Однако в своем большинстве исследователи, основываясь на различных аспектах его главного труда³ и гипертрофируя, вырывая их из общего системного контекста книги, пытались втиснуть мыслителя в рамки привычных, зачастую примитивизированно-схематических представлений: ученого-«самоучку», публициста-«самородка»⁴ называли «представителем политэкономической школы меркантилизма», «идеологом среднего купечества», «борцом против крепостного права», и т.д.⁵ И почти никто из «посошковедов» не заметил: в капитальном произведении, о котором идет речь, предложен целостный план реформирования экономики и всей общественной жизни, направленный на то, чтобы сделать российское государство мощным и процветающим, а его подданных — богатыми и счастливыми⁶. При этом автор книги четко осознавал, что нельзя проводить экономические реформы, не перестраивая властные структуры и не затрагивая духовную сферу общественного бытия.

Именно с этих позиций и хотелось бы взглянуть на ключевые моменты «Книги о скудости и богатстве», на предложенные в ней реформационные идеи.

1. О движущих силах реформы. В отличие от своих западных современников, которые, даже оставаясь приверженцами монархии, связывали общественный и экономический прогресс с

кому списку, сделанному в 1752 г. для Академии наук по поручению М.В.Ломоносова. Это наиболее ранний и в то же время наиболее тщательно выполненный и полный список «Книги о скудости и богатстве», подлинник которой сохранился. В настоящем издании тексту «Книги о скудости и богатстве», как и в издании 1937 г., предшествует доношение Посошкова Петру I, где он излагает основные задачи своего сочинения. Известны два собственноручных плохо сохранившихся черновых варианта этого дополнения. В настоящей публикации использована реконструкция текста, осуществленная Б.Б.Кафенгаузом... Издатели при передаче текста стремились как можно полнее сохранить особенности памятника. В то же время, желая сделать его доступным для самых широких кругов читателей, было признано целесообразным осуществление частичного перевода текста. Вносимые в текст изменения не выделялись. Воспроизведение текста дано в современной орфографии и пунктуации» (Посошков И. Книга о скудости и богатстве. — М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2001. — С. 408—409). Далее ссылки на это издание даются в скобках и лишь с указанием страниц.

³ А их немало; тут следует иметь в виду, что «Книга о скудости и богатстве» стала, как констатируют издатели, «итогом всей литературной деятельности публициста, включив в себя и идеи более ранних его произведений... Посошкову принадлежат многочисленные проекты, записки и литературные произведения, посвященные вопросам реформирования монетного и денежного дела, развития просвещения, христианской нравственности и этики, борьбы со старообрядчеством и лютеранством» (с. 403).

⁴ Вышедший из народной гуши (крестьянин по сословной принадлежности, ремесленник по происхождению), Посошков не получил систематического образования, сумев тем не менее «вырваться за рамки окружающего его сословного бытия и подняться до уровня государственного строительства» (с. 6). Основные вехи жизни и творчества Посошкова охарактеризованы в монографиях Б.Б.Кафенгауза «И.Т.Посошков. Жизнь и деятельность» (М. — Л., 1950) и Д.Н.Платонова «Иван Посошков» (М., 1989).

⁵ Соответствующая историографическая ретроспекция развернута в упомянутой книге Д.Н.Платонова.

⁶ Нельзя не согласиться со следующими оценками научного редактора издания (и всей серии «Русская классическая библиотека. Экономика и духовность») Ю.Якутина: «Узость подхода к анализу работ Посошкова... не преодолена до сих пор. Нередко вместо серьезного разбора творчества публициста из книги в книгу кочуют устаревшие ярлыки и штампы: «идеолог купечества», «противник привилегий дворянства», «выразитель интересов крестьянства»... И почти ничего не говорят в них о главном: о Посошкове как выразителе интересов Российского государства. И почти не анализируется он как проповедник государственного переустройства, как глубочайший идеолог реформ. Но в этом суть его книг!.. Из характера некоторых предложений Посошкова иные авторы и сегодня выводят его защитником интересов купечества, одевая его в мундир меркантилиста. И не видят, как тесен ему этот мундир! И не догадываются о том, что ему нужна одежда много просторнее. Это оттого, что читали Посошкова равнодушно, только глазами. Не пропуская прочитанное через сердце. Иначе нельзя было не заметить страстной устремленности Посошкова к процветанию всей России. К процветанию каждого ее сословия, каждой семьи, каждого двора. Иначе нельзя было проглядеть этой главной мысли: «Чтобы народ весь обогатить!» (с. 8—14).

реализацией либералистских принципов, Посошков был ревнителем максимально сильного государства. А поскольку последнее отождествлялось с царем (или императором), чья «божественность» и всеилие подчеркиваются на протяжении всего сочинения, проявление, например, заботы о царской казне следует рассматривать как озабоченность автора финансовой стабильностью страны. Отсюда и линия на то, чтобы именно абсолютная власть была двигателем преобразований: «Царь наш... как чему повелит быть, так и подобает тому быть...» (с. 361). По убеждению автора, государство обязано заниматься всеми сферами общественной жизнедеятельности (от выпуска новых учебников до установления таможенных пошлин), тотально контролировать общество. В книге постоянно подчеркивается, что благо народа вытекает из богатства государства, а не наоборот: сначала наполнится царская казна, а затем и народ обогатится.

Тем самым Посошков формулирует идеологию реформ «сверху». И хотя он дает и конкретные рецепты, обеспечивающие экономические интересы тех или иных социальных слоев (о чем речь пойдет далее), источником преобразований для него остается власть. Для государственника Посошкова нет и не может быть никакого позитивного движения вперед вне властных усилий.

Можно предположить, что этот государственный пафос связан с тем, что мыслитель родился всего спустя полвека после Великой смуты, которая принесла много бед русскому народу. Именно поэтому самые умные и прогрессивно настроенные люди того времени воспринимали сильное государство как великое благо и защиту от напастей и бед. Эксцессы «бунташного» века только способствовали укреплению такого мнения.

2. О взаимоотношениях власти и собственности. По понятным причинам речь шла прежде всего о собственности на землю. Известно, что к началу петровских реформ еще сохранялись вотчинные землевладения, где владелец-боярин мог чувствовать себя полным хозяином. Однако власть решительно противодействовала этому. Конфликты разрешались, как правило, вне юридического поля — в основном путем конфискации и репрессий. Но все-таки вотчинник был относительно независим в вопросах продажи или передачи земельных участков по наследству. Помещик же являлся явно зависимым землевладельцем, владея землей и эксплуатируя ее за определенную госслужбу. При этом помещик-дворянин жаждал уравнивания прав с вотчинниками-боярами, а власть в эпоху Петра I стремилась по возможности минимизировать привилегии последних. Это, в частности, выразилось в царском указе об уравнивании в правах боярства и дворянства, а также во введении принципа майората («Указ о единонаследии» 1714 г.).

В напряженной ситуации, когда даже ближайшие сподвижники Петра I стремились стать «настоящими» боярами (а царь в чем-то вынужденно уступал их давлению), Посошков исходя из того, что служивое дворянство было главной опорой госвласти, выступил с предельно радикальной идеей. Он пишет: «... Земля вековая царева, а помещикам дается ради пропитания на время. Того ради царю и воля в ней большая и вековая, а им меньшая и временная... и землю без платы не можно им владеть» (с. 365). По сути это — обоснование необходимости государственной собственности на землю. Согласно Посошкову, дворяне вправе распоряжаться крестьянами только постольку, поскольку они заслужили вознаграждение за свою службу: «... Помещики владеют ими (крестьянами — М.С.) временно, а царю они всегда вековые, и крестьянское богатство — богатство царственное, а нищета крестьянская — оскудение царственное» (с. 303). Нет службы — значит нет земли и крестьян. Именно с этих позиций Посошков последовательно и радикально выступал против дворянского землевладения и крепостного права.

Таким образом, в концепции Посошкова отчетливо проявилась черта русского менталитета, связанная с предпочтением государственной собственности на землю. Нынешние дискуссии по поводу отношений земельной собственности и соответствующего законодательства свидетельствуют о необходимости учитывать это вековое требование огосударствления земельных угодий. Во всяком случае, сопротивление значительной части населения внедрению

частной собственности на землю налицо, как несомненны и многие грядущие социально-экономические негативы установления господства частноземельных отношений.

3. Об идеологическом обеспечении реформ. Согласно Посошкову, идеология последних — это идеология величия и мощи российского государства. Исходная посылка такова: благосостояние народа — продукт «правильного» государственного развития. Отсюда вывод: дабы предлагаемые реформы «пошли», необходимо, чтобы народ (в широком смысле этого слова) полностью разделял идею величия государства как главной ценности жизни. Только сильное государство способно обеспечить достойное существование людей, живущих в нем, и, как уже отмечалось, рефреном «Книги о скудости и богатстве» является тезис: «когда царские сокровища наполнятся», «все россияне обогатятся и прославятся».

Как же, по мнению автора книги, следовало добиваться осознания этих положений простыми людьми? Нелишне напомнить, что он жил и творил в то время, когда светское образование и просвещение в России делали лишь первые шаги. Поэтому реалист Посошков усматривал в качестве главного проводника как государственной идеологии вообще, так и идеологии реформ, в частности, православную церковь: «И мое мнение тако мысли моя касается, что вся наша погибель и спасение залежит во пресвитерах» (с. 72). Разумеется, он понимал, что необходимо реформировать и сам институт церкви.

4. Об общем направлении развития экономики и создании экспортоориентированного хозяйства. Посошков ставит вопрос о положении страны в мировом хозяйстве и четко указывает на то, что она должна занять достойное место в международном разделении труда. Россия, по его мнению, в отличие от многих других стран, которые торгуют разными «безделками», обладает товаром «материальным», а посему, размышляя о торговле с иностранцами, он пишет следующее: «Для нас хотя вовсе они товаров своих к нам возить не будут, мы можем прожить и без их товаров, а они без наших товаров и десяти лет прожить не могут. И того ради подобает нам над ними господствовать, а им раболепствовать пред нами и во всем упадки пред нами держать, а не гордость» (с. 204). Предлагается сделать все возможное для того, чтобы полностью реализовать, используя современную терминологию, конкурентные преимущества России и всячески минимизировать имеющиеся негативы. К первым Посошков относит огромную территорию, неограниченные природные ресурсы⁷ и дешевый труд. Ко вторым — слабо развитую транспортную инфраструктуру и низкий уровень квалификации основной массы рабочей силы. Он настаивает на необходимости сбалансированного развития сельского хозяйства и промышленности, одновременно подчеркивая, что последняя должна быть ориентирована прежде всего на первичную обработку и переработку как природных ресурсов, так и продукции сельского хозяйства.

Соответственно огромное значение придается экспорту; через многие главы проходит идея достижения положительного торгового баланса и наращивания экспортного потенциала. За это в XIX в. Посошкова устойчиво квалифицировали в качестве меркантилиста, тогда как на деле он пошел дальше, выступив одним из первых в мировой истории экономической мысли идеологов экспортной ориентации народнохозяйственного развития. При этом реформатор категорически выступал против того, чтобы Россия оставалась придатком индустриально развитых стран, прежде всего Англии («мастерской мира») и Голландии. Он, стоит повторить, всячески подчеркивал императивность первичной переработки сырья и торговли полуфабрикатами: «... Чем им лен да пеньку продавать, лучше нам продавать им готовые полотна, парусные, и канаты, и камордки, и рубки, и миткали и брать у них за те полотна ефимки и иные потребные нам вещи. Я чаю, что можно нам на всю Европу полотен наготовить и пред их нынешнюю цену гораздо дешевле продавать им можно. И чем им от наших материалов богатиться, то лучше нам, россиянам, от своих вещей питаться и богатиться» (с. 252). И это относится не только ко льну и пеньке, но и ко всему сырью вообще: «О сем же всячески

⁷ «И я не знаю, чего бы у нас в Руси не сыскать...» (с. 255).

надлежит постараться, чтобы завести в Руси делать те изделия, кои... из русских материалов делаются» (с. 250).

Вместе с тем у Посошкова не обнаруживается вздорных мыслей вроде той, что не худо бы развернуть в отечестве производство часов не хуже швейцарских. Он был настроен весьма прагматично и упирал на надежную и защищенную нишу России в мировом хозяйстве. Страна может и должна предложить миру товары, которые пользуются большим спросом, а впоследствии этот спрос будет расширяться — в связи с индустриальным прогрессом Европы. Настаивая на необходимости максимально экономить на импорте и «копить деньги», Посошков предлагает, с одной стороны, не покупать у иностранцев товаров, «кои непрочны и портятся скоро» (с. 209), относя к ним, например, стеклянную посуду, «иноземческие» пуговицы, сукно, «питие заморское» (словом, предметы роскоши), а с другой, — развивать в России собственное производство таких продуктов, как табак и питье, и даже экспортировать их.

Приходится с глубоким сожалением констатировать: предложенная Посошковым в начале XVIII в. внешнеторговая стратегия, успешно применявшаяся в XX в. многими государствами (в том числе «азиатскими тиграми»), игнорируется в постсоветской России, где, как было справедливо отмечено, «принятая правительственная стратегия тождественна линии на продолжение развития экономики по примитивной экспортоориентированно-сырьевой модели»⁸, что, как известно, чревато окончательным и бесповоротным выталкиванием страны на мирохозяйственные задворки.

5. Об организации промышленного производства. Наиболее интересные и актуальные из соответствующих идей автора «Книги о скудости и богатстве» связаны, *во-первых*, с рекомендациями относительно того, что мы называем сегодня стимулированием научно-технического прогресса. В книге звучат призывы всемерно поощрять его тогдашних носителей — высококвалифицированных мастеров⁹. Посошков пишет о них с искренним уважением, критикуя практику недостаточной оплаты их труда на государственных и купеческих¹⁰ предприятиях как антигосударственную. Для обучения русских мастеров, повышения уровня их квалификации Посошков предлагал активно использовать мастеров иностранных. Однако при этом необходимо, по его мнению, организовать за ними строгий надзор: «А буде кой иноземец, по древнему своему обыкновению... шмонить, а о ученье учеников не радеть, но чтобы, деньги выманив, за море уехать..., то с чем он приехал, с тем и назад выслать его...» (с. 245). Крайне интересны соображения автора по поводу защиты прав на «вымысел», т.е. на изобретение новых технологий и приемов: «Истинно надлежит... гражданский устав учинить, чтобы за вымысел нового какова мастерства или промысла отнюдь иным не попускать вступать, покуда жив тот вымысленник» (с. 237). По сути речь идет о некоем прообразе патентной системы.

Во-вторых, — с выдвижением идеи размещать новые промышленные предприятия там, где достижима существенная экономия издержек на рабочую силу: «И ради царственного обогащения надлежит для таких производств вначале построить предприятия из царской казны на пространных местах в тех городах, где хлеб и харч дешевле...» (с. 252). Этот принцип, полностью оправдавший себя во второй половине XX в. (его реализация стала одним из факторов бурного экономического роста стран Юго-Восточной Азии), противостоит принципу приближения индустриальных центров к местам заготовки сырья и производства энергии, с чем, не секрет, связаны многие сегодняшние беды российской промышленности. Так, наши северные города оказались нежизнеспособными в условиях конкурентной рыночной экономики.

⁸ Б а т ч и к о в С. Импортотамещающий вектор стратегии народнохозяйственного развития// Российский экономический журнал. — 2002. — № 3. — С. 28.

⁹ Применительно к неквалифицированной рабочей силе Посошков ратовал за внеэкономические методы принуждения. Этот сюжет может составить предмет особого анализа.

¹⁰ Слой промышленной буржуазии в России начала XVIII века еще не сформировался.

В-третьих, — с предложениями относительно мер госстимулирования развития промышленного производства. При всей своей государственнической настроенности Посошков считал правильным широкомасштабно развивать купеческие предприятия, причем рекомендовал поистине революционный для тогдашней России вариант их кредитной поддержки. Речь идет о разрешении госчиновникам, как бы мы сегодня сказали, регионального уровня направлять от имени императора часть средств на развитие промышленного производства путем выдачи кредитов проверенным и достойным людям под поручительство третьих лиц. Деньги, по его мнению, надлежало выделять не по решению петербургских чиновников (что превращало государственные кредиты в недоступные большинству провинциальных купцов-промышленников), а на местах и из соответствующих налоговых поступлений. Смысл предлагавшейся новации состоял в поощрении местных промышленных инициатив, причем Посошков, предвидя и опасность разворовывания на местах налоговых сборов, ратовал за страшные наказания для преступников: «А буде ж учинит похищение государевы казны, то... по наказании положить ему на лице клеймо, чтобы быть ему при армии вечно в черной работе» (с. 367).

В книге есть и весьма любопытные соображения касательно не только кредитного, но и налогового стимулирования развития промышленности. Одно из них — о фискальном пресинговании не производства, а торговли, причем основной налоговый сбор должен приходиться прежде всего на торговлю оптовую. По мнению Посошкова, каждый продукт должен облагаться только один раз, а множественность налогов нелепа и подлежит устранению: «И ныне многие вымысленники, желая сборы пополнить, вымыслили поземельные, подушные, хомутные, прикольные с судов водяных, посаженные, мостовые, пчелиные, банные, кожные и с подводчиков десятые, и называют то собрание мелочным сбором; однако не теми вредными сборами наполнится казна может, токмо людям беспокойство великое, мелочный сбор, мелок он есть» (с. 346—347). Вместо названных многочисленных сборов предлагалось ввести простой и понятный налог (десятинный сбор). Разве эти рецепты не актуальны сегодня? А разве не заслуживает внимания следующий пассаж: «А мне мнится, не худо бы и царским указом сие подтвердить, чтобы лет на пять—шесть или больше построившим палаты в царских поборах давать льготы. И в те льготные лета в службы никакие не выбирать бы, дабы он оправился и, на то смотря, стали бы и иные тчится палаты строить» (с. 215). Здесь четко просматривается хорошо известная ныне общая, пригодная вовсе не только в строительстве, идея льготирования реинвестируемой прибыли, крайне важная для стимулирования экономического роста, но «успешно» отвергнутая новейшей правительственной налоговой политикой.

Вчитываясь в фундаментальный труд Посошкова, невольно задумываешься над тем, какой огромный полезный потенциал заключает изучение истории отечественной экономической мысли. Весь круг ключевых сюжетов, затрагиваемых в «Книге о скудости и богатстве», актуален и сегодня. И точка зрения ее автора по отмеченным выше и другим вопросам должна, думается, живо интересоваться «архитекторов» нынешних реформ, в том числе (если не прежде всего) потому, что она отражает те традиционные константы национального общественного сознания, без учета которых любые радикальные реформационные преобразования не имеют шансов на успех.

В заключение остается лишь привести афористичную формулу, резюмирующую уже цитированное предисловие научного редактора серии «Экономика и духовность» к выпущенной в ней книге замечательного русского мыслителя: «... Писал для Петра и применительно к определенному периоду, получилось же — для России и на все времена...» (с. 17). Лучше не скажешь!